

УДК 811.161.1'355'374

**ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ И ПОДВИЖНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА**

**SPIRITUAL AND MORAL AND ASCETIC MOTIVES
IN A. P. CHEKHOV'S WORKS**

Г. Л. Королькова

G. L. Korolkova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. Духовно-нравственные и подвижнические мотивы не декларируются в большинстве чеховских произведений, хотя и существуют имплицитно. Иногда они заключаются в мыслях, высказываниях персонажей. В других случаях о них можно судить по устойчивым повторам образных деталей, составляющих лейтмотивные ряды, реализующиеся как в прозе, так и в драматургии А. П. Чехова. Выявлению, характеристике таких мотивов, оценке их значимости в творчестве писателя и посвящена данная статья.

Abstract. The spiritual and moral and ascetical motives are not being declared in the most of Chekhov's works of literature though they exist there implicitly. Sometimes these are realized in the thoughts and utterances of the characters. In the rest of the cases we can identify them by means of steady repetition of some figurative details forming the burdens which are implemented either in Chekhov's prose or drama. This article is devoted to revealing, characterizing such motives, stating the value of them in Chekhov's works.

Ключевые слова: *духовное, нравственное, мотив, персонаж, подвижник.*

Keywords: *spiritual, moral, motive, character, ascetic.*

Актуальность исследуемой проблемы. Творчество А. П. Чехова до сих пор не рассматривалось с точки зрения наличия в нем указанных мотивов. В этом заключается актуальность работы, в которой выявляются духовно-нравственные и подвижнические мотивы и различные способы их воплощения в творчестве писателя.

Материал и методика исследований. Исследованы как ранние, так и поздние прозаические и драматургические произведения А. П. Чехова с целью выявления в них духовно-нравственных и подвижнических мотивов методом сопоставительного анализа художественных и публицистических сочинений писателя.

Результаты исследований и их обсуждение. В чеховском художественном мире существует целый набор опознавательных знаков, деталей, образов, с помощью которых отчетливо выступают идейные доминанты. Одной из таких доминант и является утверждение подвижничества в самых разных ипостасях.

Прямые высказывания А. П. Чехова об этом содержатся в очерке 1888 года о Н. М. Пржевальском, написанном несколько дней спустя после смерти ученого: «В наше большое время, когда европейскими обществами обуяла лень, скука жизни и неверие, ...когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце» [4, 237]. Наука в этой статье оказывается в ряду высших ценностей. В финале повести «Черный монах» умирающий Андрей Коврин, вспоминая все лучшее в своей жизни, взывает и к науке: «Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, ...звал свою чудесную науку, ...звал жизнь, которая была так прекрасна» [2, 257].

Но среди чеховских персонажей, принадлежащих к ученому сословию, обнаруживается существенная дифференциация, даже антитеза. Большинство из них трудно отнести к положительным персонажам. Самым привлекательным из них окажется «заслуженный профессор» Николай Степанович, главный герой, он же повествователь в повести «Скучная история». К своей славе Николай Степанович относится скептически: «Допустим, что я знаменит тысячу раз, что я герой, которым гордится моя родина... но все это не помешает мне умереть на чужой кровати, в тоске, в совершенном одиночестве...» [1, 306]. Менее интересен и по-человечески значителен профессор Серебряков в пьесе «Дядя Ваня». А вышеупомянутый Андрей Коврин из повести «Черный монах» также приносит близким только страдания.

Еще один персонаж из мира ученых – зоолог фон Корен в повести «Дуэль». Но этот персонаж, скорее, антипод Пржевальского, хотя для характеристики обоих ученых употребляются вроде бы очень похожие слова и выражения. В обоих текстах (в очерке о Пржевальском и повести «Дуэль») используется в качестве фактографической детали имя английского путешественника и журналиста, исследователя Африки Стэнли. Обратимся к этим примерам. Вот как звучит фрагмент высказывания персонажа повести Ивана Лаевского, который, разумеется, предвзято характеризует фон Корена: «Ему нужна пустыня, лунная ночь: кругом в палатках и под открытым небом спят его голодные и больные, замученные тяжелыми переходами казаки, проводники, носильщики, доктор, священник, и не спит только один он и, как Стэнли, сидит на складном стуле и чувствует себя царем пустыни и хозяином этих людей» [1, 397]. А в очерке о Пржевальском те же реалии трактуются совершенно иначе: «Один Пржевальский или один Стэнли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорное, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство знаний и трудолюбие, привычка к зною, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народов подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу» [4, 236]. Даже описания могил ученых похожи до деталей и в то же время противоположны по смыслу. Вот как «рисует» Лаевский будущую гипотетическую могилу фон Корена: «Он идет, идет, идет куда-то, люди его стонут и мрут один за другим, а он идет и идет, в конце концов погибает сам и все-таки остается деспотом и царем пустыни, так как крест у его могилы виден караванам за тридцать-сорок миль и царит над пустыней» [1, 397]. А в очерке о Пржевальском об этом сказано так: «Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятны весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмерт-

ное желание – продолжать свое дело после смерти, оживлять свою могилу пустыню...» [4, 237]. Более того, очерк, который, по сути, является некрологом, открывается описанием могилы ученого на берегу озера Иссык-Куль, а сама смерть его именуется подвигом: «Умирающему бог дал силы совершить еще один подвиг – подавить в себе чувство тоски по родной земле и отдать свою могилу пустыне» [4, 236]. В личности Пржевальского, подчеркивает Чехов, подвижничество объединяется с жертвенностью.

Все дело в том, что в лице фон Корена Чехов изображает псевдоученого, который в спорах с Лаевским и дьяконом доказывает необходимость распространения дарвиновской теории видов и на человеческое общество. Никчемных, с его точки зрения, людей, подобных Лаевскому и Надежде Федоровне, нужно уничтожать, и, как он заверяет доктора Самойленко, у него «рука бы не дрогнула», что фон Корен и продемонстрировал бы во время дуэли, не вмешайся в ситуацию дьякон, спасший Лаевского. Когда Лаевский сравнивает фон Корена с полководцем, то в тексте возникает «скрытая цитата» из «Войны и мира» Л. Н. Толстого. Имеется в виду эпизод, когда польский уланский полковник решил переправиться через Неман «в глазах» императора и потопил много воинов в реке. Лаевский неоднократно обращает внимание Самойленко и дьякона на деспотизм фон Корена: «Из него вышел бы превосходный, гениальный полководец. Он умел бы топить в реке свою конницу и делать из трупов мосты...» [1, 397]. Стало быть, само по себе служение науке или исполнение воинского долга еще не делает человека подвижником, все дело в его человечности, в нравственной, гуманной составляющей его деятельности.

Итак, Чехов восхищается подвижниками в жизни, но редко делает их персонажами своих произведений. Люди этого типа в очерке сопоставлены с современным обществом, которому дана весьма нелицеприятная характеристика: «Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ведущих споры об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, что кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели» [4, 237]. Такие герои, как правило, не занимают центрального места в произведениях писателя, но существуют в его рассказах и повестях в качестве персонажей второстепенных, эпизодических, внесюжетных. Их упоминают, о них рассказывают другие персонажи, но роль этих эпизодов трудно переоценить. Таков доктор Дымов из рассказа «Попрыгунья». Он занимается наукой, защищает диссертацию по медицине, а потом спасает больного мальчика от дифтерита ценой собственной жизни. Таков полковник Вершинин из «Трех сестер». Можно вспомнить, как он восторженно отзывается о деятельности солдат во время пожара: «Если бы не солдаты, то сгорел бы весь город. Молодцы! (Потирает от удовольствия руки.) Золотой народ! Ах, что за молодцы!» [2, 161]. О себе же скромно замечает: «На пожаре я загрязнился весь, ни на что не похож» [2, 162].

Важно отметить, что среди подвижников в произведениях Чехова часто упоминаются люди веры. Приведем пример из повести «Дуэль». Вот как рассказывает молодой священник о своем родственнике: «А вот у меня есть дядька-поп, так тот так верит, что когда в засуху идет в поле дождя просить, то берет с собой дождевой зонтик и кожаное пальто, чтобы его на обратном пути дождик не промочил. Вот это вера! Когда он говорит о Христе, так от него сияние идет и все бабы и мужики навзрыд плачут... Да... Вера горами двигает» [1, 433]. А в рассказе «Студент» воспроизведена похожая ситуация. Сту-

дент духовной академии Иван Великопольский в холодный весенний вечер у костра рассказывает двум крестьянским женщинам эпизод из Евангелия о предательстве Петра в ночь, когда был схвачен Иисус. Женщины взволнованы его рассказом. Одна из них, Василиса, заплакала, другая, Лукерья, сильно смущена. А студент потрясен тем, что «то, о чем он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему – к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям» [2, 309]. То, что соединило Ивана Великопольского с обеими женщинами, а также с далеким прошлым, обозначено имплицитно: «...правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле» [2, 309]. Разумеется, речь идет об Иисусе Христе, о вере как одной из величайших ценностей в человеческой жизни. Отсюда подвиг религиозного служения, подвиг веры получает у Чехова положительную оценку.

Конечно, дискуссионен вопрос о степени религиозности Чехова, но очевидно то, что чеховский художественный мир тесно связан с православной культурной традицией и многие православные истины нашли отражение в чеховских произведениях, но не декларативно, а опосредованно, в виде духовно-нравственных, подвижнических мотивов.

В непосредственной обстановке, обстоятельствах, окружающих чеховских героев, представленных, к примеру, универсальным, символическим образом города («Моя жизнь», «Крыжовник», «Три сестры»), людей веры, высокой нравственности, истинных ученых нет, но тоска по ним, мечта о них существует: «Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей, и ни одного, который не был бы похож на других, ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть или страстное желание подражать ему. Только едят, пьют, спят, потом умирают...» [3, 181].

Резюме. Духовно-нравственные и подвижнические мотивы отнюдь не чужды творчеству А. П. Чехова. Они прослеживаются от самых ранних произведений (первая пьеса, юмористические рассказы 1880-х годов) до поздних, правда, воплощаются весьма своеобразно. Чаще всего они возникают в речи или мыслях персонажей и представляют собой некий идеал, высшие ценности, без которых невозможно существовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем (ПСС) : в 30 т. Т. 7 / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1985. – 734 с.
2. Чехов, А. П. ПСС : в 30 т. Т. 8 / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1986. – 527 с.
3. Чехов, А. П. ПСС : в 30 т. Т. 13 / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1986. – 526 с.
4. Чехов, А. П. ПСС : в 30 т. Т. 16 / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1979. – 623 с.